

Размышления над книгой

А. В. ПОСТНИКОВ

СЛЕДОВАЛО ЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИСОЕДИНЯТЬ К СВОИМ ВЛАДЕНИЯМ ПРИАМУРЬЕ И ПРИМОРЬЕ?

Размышлениям над этим вопросом посвящена фундаментальная монография американского историко-географа, старшего лектора по географии Лондонского университетского колледжа доктора Марка Бассина*. Книга выпущена в престижной научной серии Кембриджского университета «Кембриджские исследования по исторической географии». Публикация серии активно содействует развитию исследований, посвященных философским, методологическим и методическим аспектам исторической географии. Таким образом возможно объединить традиционные эмпирические фундаментальные исследования по истории географии с инновационными подходами к проблемам и источникам с тем, чтобы создать некий новый стержень для развития этой отрасли науки. Как совершенно справедливо отмечено профессором Калифорнийского университета Н. В. Рязановским во вступительном слове к книге, М. Бассин удачно сочетает в своем творчестве квалификацию географа и «интеллектуального историка», т. е. историка, изучающего развитие природы и структуры идей в общественной мысли.

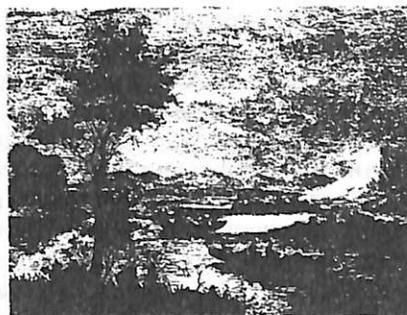
Весьма нетривиальные исследования Бассина хорошо известны историкам российской географии, знакомым с иностранной литературой. В центре его изысканий — глубокий анализ евразийской теории и ее влияния на географические исследования и геополитику России, сравнительное изучение характера американской колонизации Запада и российского продвижения на Восток, а также своеобразия соответствующих границ двух империй. М. Бассин уделяет значительное внимание влиянию борьбы славянофилов и западников на формирование в обще-

Cambridge Studies in Historical Geography

Imperial Visions

Nationalist Imagination and
Geographical Expansion in the
Russian Far East, 1840–1865

Mark Bassin

* Bassin, Mark. *Visions of Empire: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. Cambridge Studies in Historical Geography; 29. Cambridge: Cambridge U.P., 1999. — 329 p.

ственном мнении России взглядов на приоритеты в развитии географических исследований и расширение государственной территории империи*.

Основной задачей своей новой книги автор видит не повествование о присоединении Приамурья Россией, а исследование «географического видения» для того, чтобы реконструировать и проанализировать образы Дальнего Востока, через которые русские его воспринимали и оценивали. При этом исходным для него было предположение, что анализ видения (образа) отдаленного и малоизвестного региона может предоставить исследователю возможность проникнуть в сознание и культуру отдельных личностей, групп и сообществ, которые это видение разделяли. Под таким углом зрения, по мнению Бассина, географические видения или образы могут рассматриваться «как культурные артефакты и как таковые они непреднамеренно выдают предрасположения и предрассудки, страхи и надежды их авторов. Другими словами, изучение того, как общество осознает, обдумывает и оценивает незнакомое место, является плодотворным путем исследования того, как общество или его части осознают, осмысливают и оценивают самих себя» (р. 274).

Рецензируемая монография «Имперские грезы...» М. Бассина убедительно демонстрирует фундаментальную важность «географического воображения» для менталитета имперской России. Работа предлагает истинно новый взгляд на сложные и многоплановые взаимоотношения между русским национализмом, пониманием «предопределенного судьбой» положения народа в географическом пространстве (или «географической идентификации») и расширением империи.

Книга включает вступительное слово профессора Н. Рязановского, авторское вступление, основной текст в двух частях, а также заключение, библиографию из 857 названий и подробные именной и географический указатели. Основное содержание изложено в следующих разделах: *Часть первая.* 1) Ранние представления и прогнозы; 2) Национальное самосознание и миссия в мире; 3) Открытие Амура заново; 4) Рывок к океану. *Часть вторая.* 5) Грезы о сибирской Миссисипи; 6) Неся цивилизацию в царство дикарей; 7) Закрепившись на Маньчжурской границе; 8) Амур и разочарование в нем.

Не случаен выбор периода в истории географических исследований и расширения владений Российской Империи в Сибири и на Дальнем Востоке — 1840–1865 гг., когда, по сути дела, решался геополитический вопрос исключительной важности: следует ли сохранять и консолидировать заокеанские владения империи в Северной Америке или, расставшись с Русской Америкой, заняться укреплением своего положения евразийской сверхдержавы? Для решения последней задачи представлялось необходимым возвратить уступленные Китаю по условиям Нерчинского договора 1689 г. земли в долине реки Амур и в дальнейшем сконцентрировать внимание на присоединении Приморья и среднеазиатских ханств вплоть до высокогорных массивов Тянь-Шаня, Куэнь-Луня и Гиндукуша, отделявших их от Китая, Индии и Афганистана. М. Бассин весьма убедительно показывает, что именно такой сценарий развития был предопределен евразийскими идеями славянофилов и «восточников», завоевавшими в то время умы и сердца российских интеллектуалов.

Основными источниками для автора книги являлись российская публицистика, а также географические труды и описания в исследуемый период. Среди отечественных авторов, работы которых наиболее широко использовались при анализе взглядов на целесообразность активной политики расширения территории Рос-

* В итоге этих исследований М. Бассин опубликовал целый ряд солидных эссе, среди которых серьезного внимания заслуживают [1–5].

сийской Империи в Приамурье и на Дальнем Востоке, выделяются М. А. Бакунин, А. П. Баласогло, Н. В. Басаргин, Г. С. Батеньков, В. Г. Белинский, В. П. Васильев, М. И. Венюков, С. Г. Волконский, А. И. Герцен (Искандер), Д. И. Завалишин, М. Зензинов, Е. П. Ковалевский, Н. И. Костомаров, П. А. Кропоткин, В. К. Кюхельбекер, М. С. Лунин, С. В. Максимов, К. И. Максимович, А. Ф. Миддендорф, Г. И. Невельской, Н. П. Огарев, П. И. Пестель, М. В. Петрашевский, М. П. Погодин, Г. Н. Потанин, Н. М. Пржевальский, Д. И. Романов, В. И. Семевский, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. Сгибнев, Г. И. Спасский, С. П. Трубецкой, Р. А. Черносвитов. В этом списке мы видим имена публицистов (включая известных декабристов и петрашевцев), историков и географов-путешественников, однако М. Бассин в своем социально-историческом анализе использовал также литературные произведения и письма русских писателей: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова и Ф. И. Тютчева. Помимо детального изучения взглядов и мнений предшественников или современников «Амурской эпопеи», автор опирался на обширную историографию, включающую помимо трудов советских и российских историков — А. И. Алексеева, В. В. Бартольда, Е. Л. Беспрозванных, Н. Н. Болховитинова, А. В. Дулова, В. Ф. Гнучевой, П. И. Кабанова, Б. Г. Кубалова, С. В. Окуня, В. М. Пасецкого, М. Н. Покровского, Б. П. Полевого, В. Н. Соколовой, Е. П. Сычевского, П. Т. Яковлевой и других — многочисленные работы зарубежных ученых, в том числе русских эмигрантов и их потомков — Е. А. Адамова, П. В. Анненкова, А. В. Байкалова, Н. А. Бердяева, Г. И. Вернадского, Н. В. Рязановского, А. Е. Преснякова, В. Н. Пономарева, А. Малоземова, А. Лобанова-Ростовского, Г. В. Ланцева и других, до сих пор недостаточно известных в России. Естественно, что в книге Бассина использован громадный массив как зарубежных исследований по проблеме, так и социально-политической литературы, включая труды Маркса, Энгельса, Бакунина, Троцкого и Ленина.

Итак, в середине XIX в. Российская Империя значительно расширила свои владения за счет обширных районов бассейнов рек Амура и Уссури, овладев побережьем Тихого океана на юге вплоть до Кореи и Японского моря. Несмотря на то что эти отдаленные районы были практически *terra incognita* для образованных россиян, приобретение «Азиатской Миссисипи», как тогда любили именовать Амур, вызвало значительный резонанс в среде интеллигенции и даже возбудило надежды и радужные упования наиболее выдающихся бунтарей-мечтателей, и среди них Александра Герцена, который уверенно провозглашал присоединение сибирско-маньчжурского приграничья как наиболее важный шаг в прогрессе цивилизации. Однако М. Бассин показывает, что в течение десятилетия после присоединения Амура «сладкие грезы» испарились, и Приамурье было заброшено и забыто, по крайней мере представителями российской интеллектуальной элиты. Подходя по-новому к анализу восприятия Россией присоединенных территорий на Дальнем Востоке, Бассин исследует такое загадочное изменение в умонастроениях интеллигенции в отношении Амура в контексте *Zeitgeist* (духа времени) страны в тот период. Он показывает, что грандиозные (но не сбывшиеся, по его мнению) надежды и планы России, связанные с Тихим океаном, теснейшим образом зависели от основных процессов, происходивших в обществе и государстве, включая социальную реформу 1861 г., мучительные поиски национального самопознания или национальной идеи, отношение России к Западу и веру в особую миссию русских и православия в спасении погрязшего в грехах мира. Эти умонастроения, по мнению автора книги, сформировались под влиянием двух вполне самостоятельных, но взаимосвязанных факторов: с одной стороны, это было активное развитие

националистического движения, а с другой — оппозиционное настроение различных кругов общества по отношению к реакционному режиму Николая I. Думы российской интеллигенции о Дальнем Востоке стали тогда единым фокусом националистических и оппозиционных настроений, причем размышления эти стимулировались как наиболее близкими принципами, проповедуемыми обоими течениями, так и разделявшими их существеннейшими противоречиями.

Перспектива продвижения России на Амур вдохновляла в одинаковой степени и влиятельных националистов, и оппозиционеров уже в 1840-х гг., задолго до того, как в середине следующего десятилетия было осуществлено фактическое присоединение региона. Приобретение Приамурья рассматривалось как важный способ преодоления ультраконсервативной стагнации режима Николая I, тем более что царские министры решительно отказывались даже рассматривать возможность такого шага. Более того, Амур воспринимался не только как способ вырваться за пределы загнивающего status quo, но и как арена, где могли быть воплощены в жизнь национальные идеалы, составлявшие основу учения славянофилов. Дальний Восток предоставлял русским возможность «отвернуться» от Европы и продемонстрировать миру и самим себе, что их национальная энергия и способность к независимым достижениям не были ни рассеяны тремя десятилетиями стагнации под властью Николая I, ни уничтожены позорным поражением в Крымской войне.

На Амуре русским виделась два различных пути воплощения в жизнь всех этих упований. Несмотря на то, что оба пути были тесно объединены общим проектом, они опирались на представления о регионе, различавшиеся в акцентах и на самом деле не вполне совместимые. С одной стороны, Приамурье представлялось как громадная, девственная и преимущественно неосвоенная территория, в которую русские могут вдохнуть жизнь, создав новое общество на базе развития современной цивилизации, сельского хозяйства и торговли. Интеллигенция страны при этом обосновывала очевидную возможность осуществления этой программы на поразительном примере колонизации целого континента Соединенными Штатами. Создание собственной «Америки» на берегах Амура представлялось не только уникальной возможностью для развития региона, но и редким шансом открытия новых горизонтов для державы в целом. Эти соблазнительные перспективы активно стимулировались и поддерживались представлениями об Амуре как об азиатской или сибирской Миссии. В то же самое время казалось, что Амур впервые может предоставить России возможность удовлетворить другой императив вновь обретаемых национального самосознания и государственной идеи, а именно: принести цивилизацию народам Азии. Естественно, что представление о возможности осуществления такой цивилизационной миссии само собой предполагало, что присоединяемая территория была не пустой, а заселенной аборигенами, которые с нетерпением ожидают получения от русских просвещения и спасения. В последнем сценарии Амуре совсем не нужно было становиться «Америкой», но вместо этого — надежно сохранить свою «азиатскую идентичность». Более того, для осуществления этой «миссии спасения» в продвижении России на Дальний Восток был важен не только Амур, так как, приобретая его бассейн, Россия получала доступ к еще более обширным и плотно населенным районам «темной» Азии, которые также «остро нуждались» в российском «благодатном внимании» (р. 274–275). С другой стороны, такие упования очень трудно вписывались в националистические представления об уникальности российской цивилизации и ее превосходстве над западной, так как, по существу, то, что русские представляли себе как свою цивилизаторскую миссию на предоставленных им самим провидением азиатских просторах, было не чем иным, как «европеизацией» в ее крайнем и чистейшем проявлении.

М. Бассин выделяет еще один момент «интеллектуальной истории» амурской эпопеи, высвечивавший фундаментальное противоречие в националистических построениях периода: ярко выраженную неопределенность того, каким же образом следует географически локализовать саму Россию? Когда российский национализм искал подтверждения величия и славы державы, вполне естественными их доказательствами были географическая обширность и этническое разнообразие империи. Граница между нацией и империей затушевывалась, и в связи с тем, что империя по самой своей природе должна была расширяться, физические параметры нации по необходимости также были обречены на изменения. С присоединением Приамурья и благодаря вере, что обновленная Россия может быть создана на его безлюдных просторах, концептуальные границы национального государства стали на некоторое время настолько подвижными, что включили и эти новые, во всех отношениях чужеродные территории. Однако «русскость» Приамурья, по мнению М. Бассина, решительнейшим образом зависела от оптимистического видения имперского будущего на Тихом океане, и как только надежды на таковое рассеялись, начали тускнеть и представления об ограниченности этого региона для национальной территории России.

Автор книги полагает, что «изобретение» Амурского региона как некоей национальной панацеи не выдержало испытания временем из-за громадных трудностей, связанных с освоением Приамурья, суровые природные условия которого не могли обеспечить этому региону возможностей, даже отдаленно напоминающих те, что предоставляли прерии бассейна Миссисипи. Выходя за хронологические рамки своего исследования, М. Бассин показывает, что, хотя эйфории, связанной с периодом присоединения Амура, никогда не суждено было возродиться, внимание общественности России к этому району обращалось каждый раз, когда возникала угроза позициям империи или происходила переоценка ее геополитики в Тихоокеанском регионе и в Восточной Азии. Так, после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. стало очевидно, что если Россия вообще намерена сохранить свое присутствие на Тихом океане, ей следует значительно укрепить положение в Приамурье. В качестве одного из важнейших путей для достижения этой цели рассматривалась постройка Транссибирской железнодорожной магистрали вдоль Амура и Усури к берегам Тихого океана. Однако при обсуждении этого проекта в Государственной думе в 1907–1908 гг. высказывались сомнения в целесообразности какого-либо российского присутствия на Дальнем Востоке. При этом такие депутаты, как барон П. Л. Корф, считали все дальневосточные действия России не чем иным, как проявлением империалистической политики, которая отвлекала ресурсы и энергию от других, более жизненно важных регионов России и таким образом противоречила национальным интересам. По мнению Корфа, потеря Амура для России была бы всего лишь «ампутацией пальца», в то время как подобные потери на европейском театре «были бы в целом более болезненны» (р. 279). Однако это мнение не разделялось большинством Думы, которое полностью поддержало возражения П. П. Семенова-Тян-Шанского и других делегатов, утверждавших, что Приамурье было «неотъемлемой частью России» и что правительство обязано «предпринять все меры для его защиты» (р. 279). Таким образом была принята резолюция с поддержкой строительства железной дороги.

Одной из причин, по которой Приамурье продолжало поддерживать радужные упования российской общественности, М. Бассин считает стойкую веру в то, что центр мировой экономической и культурной активности рано или поздно сместится в Тихоокеанский регион. Это мнение, высказанное в начале 50-х гг. XIX в. Александром Герценом, было с новой силой воскрешено восьмьюдесятью годами

позднее революционером существенно иного толка — Львом Троцким в речи накануне его падения с вершины большевистского олимпа в следующих выражениях: «Сибирь — это выход государства рабочих к Тихому океану. А Тихий океан и его побережье все более и более становятся ареной новейшей истории. Сегодня Сибирь является отдаленной тыловой линией Советского Союза. Но история последующих 10–20 лет может скомацдовать: кругом! Тогда фронт будет на Тихом океане, а тыл — на Западе, за Уралом». На протяжении 1000 лет, продолжал он, Европа была в центре человеческой истории, но Первая мировая война в корне изменила ситуацию: центр экономического и политического влияния на мировой арене сместился к Новому Свету на Североамериканском континенте. Троцкий утверждал: «Этот факт необратим... Европа сместилась на второе место, и Атлантический океан уступает свое значение Тихому океану... От этого никуда не денешься! Господство Соединенных Штатов над Европой и Тихого океана над Атлантическим будет возрастать все более и более». В отличие от Герцена, Троцкий не приветствовал возвышения Америки, но уповал на восстание в Китае. Поэтому для геополитического будущего России вместо Тихого океана в качестве «длинного моста» между Соединенными Штатами и Россией ему представлялось предпочтительным провозгласить Сибирь «в качестве моста между Москвой и Кантоном» (р. 280).

При всех различиях акцентов в рассмотренных мнениях, надежды на «светлое будущее» Приамурья, по мнению М. Бассина, сводились главным образом к возможностям Амура как жизненно важной артерий, связывающей Россию с Дальним Востоком, артерии, которая может поддержать рост новой цивилизации на ее берегах. Рецидивом воскрешения этих надежд в советское время автор считает начатое в 1970-е гг. строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали — одного из наиболее грандиозных проектов XX в. Эта железная дорога, соединяющая город Усть-Кут с побережьем Тихого океана в Советской Гавани, проходит почти параллельно Восточно-Сибирской магистрали, в 200–300 километрах к северу от нее. Грандиозны были климатические, топографические и геологические препятствия, с которыми встретились строители магистрали, и советское правительство прибегало для подъема энтузиазма к созданию такого же рода утопических видений освоения богатых природных ресурсов и прогрессивного социального развития региона, которые, как показано в труде М. Бассина, культивировались с самого раннего этапа присоединения и освоения Приамурья. Подобно предшествовавшим «грезам», большие надежды, возлагавшиеся на БАМ, не оправдались и, как полагает автор книги, это доказывает, что стойкое значение столь удаленной окраины для всей страны объясняется не экономическими, а скорее военными и геополитическими соображениями, подтверждая и в наше время сделанный еще в 1855 г. прогноз адмирала Невельского о том, что Амуру «суждено еще долго оставаться военным лагерем» (р. 282).

Таким образом, автор книги склонен отрицательно ответить на вопрос, поставленный нами в заголовке. История, однако, не имеет сослагательного наклонения, а анализ М. Бассина при всей его убедительности не лишен недостатков. Прежде всего представляется странным, почему профессор Бассин, являющийся известным специалистом, отмечая суровые природные условия Приамурья, практически ничего не пишет о том, что этот край исключительно богат естественными ресурсами не только в воображении российских интеллектуалов, но и на самом деле. Амурский и Алданский золотоносные районы были хорошо известны и эксплуатировались уже до революции 1917 г., на окаймляющих Амур с севера горных массивах имеются месторождения многих других полезных ископаемых, включая

урановые руды. Громадны лесные богатства края, и до сих пор не окончательно уничтожены ценные в промысловом отношении звери, птицы и рыба. Активное освоение всех этих богатств не проводилось Россией не потому, что они были не нужны стране, а из-за многовековой экономической неустроенности государства и несвободы его граждан. Вообще утверждать, как это делают и некоторые современные российские политики, что у страны может быть «лишняя» территория, в принципе неверно — можно говорить лишь о том, что держава не научилась использовать эту территорию. Легко привести множество исторических примеров, когда казавшиеся бесполезными регионы становились постоянными источниками национального богатства, и, возможно, наиболее ярким из таких примеров является Аляска, покупка которой Соединенными Штатами у России в 1867 г. рассматривалась в тот период многими американцами как глубочайшая ошибка. Однако не прошло и полувека, как выяснилось, что эта громадная и суровая территория обладает грандиозными запасами полезных ископаемых, и в первую очередь золота и нефти. Природные богатства Аляски в составе США нашли применение в динамичном развитии свободной экономики демократической страны.

Нам представляется, что М. Бассину для создания истинной картины изученности и освоенности природных ресурсов рассматриваемого им края следовало использовать данные дореволюционных детальных обследований, в частности фундаментальную сводку [6], а также монографические исследования советских географов и историков науки, посвященные Восточной Сибири, из которых прежде всего следует отметить книги В. В. Воробьева [7] и Н. Г. Сухой [8].

Несогласие с некоторыми позициями Марка Бассина не меняет нашей достаточно высокой оценки его фундаментальной работы, раскрывающей много новых, не известных ранее страниц истории присоединения Приамурья и Приморья к владениям Российской Империи и тех общественных умонастроений и геополитических амбиций, которые стимулировали процесс расширения на восток государственной территории державы. Весьма желательным представляется перевод этой работы на русский язык и издание ее в России.

Литература

1. *Bassin, M.* The Russian Geographical Society, the «Amur Epoch», and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // *Annals of the Association of the American Geographers* 73:2. 1983. P. 240–256.
2. *Bassin, M.* Expansion and Colonialism on the Easter Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography* 14:1. 1988. P. 3–21.
3. *Bassin, M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // *American Historical Review* 96:3. June, 1991. P. 763–794.
4. *Bassin, M.* Russia Between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review* 50:1. Spring, 1991. P. 1–17.
5. *Bassin, M.* Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // *Journal of Modern History* 65. September, 1993. P. 473–511.
6. Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. М., 1909.
7. *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.
8. *Сухой Н. Г.* Физико-географические исследования Восточной Сибири. М.-Л., 1964.